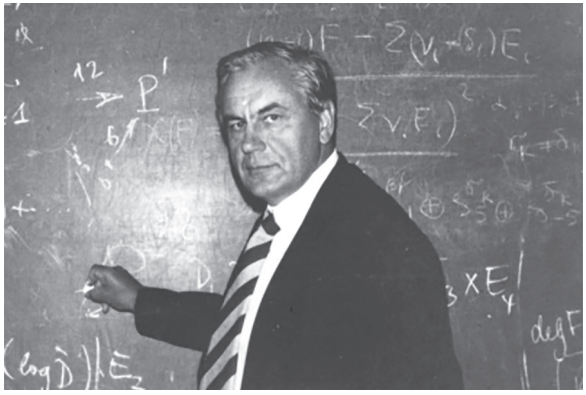
Игорь Шафаревич
Исчисление бесконечно малых



Академик Игорь Ростиславович Шафаревич (1923–2017) – выдающийся математик, смелый общественный деятель-диссидент, друг Александра Солженицына, автор прогремевшей на весь мир работы «Русофобия», посвященной русскому национальному сознанию и её врагам, один из главных идеологов русского пути, уводящего от «двух дорог к одному обрыву» – коммунистическому и либеральному. Запуганное «малым народом» Отечество практически не оказало ему посмертных почестей, хотя обильно пользуется плодами его трудов. Термин «русофобия», возрожденный Солженицыным, именно благодаря Шафаревичу вышел на уровень международного дипломатического словаря – скончавшийся почти одновременно с академиком дипломат Виталий Чуркин неоднократно обличал с трибуны Совета безопасности ООН «чудовищную русофобию, граничащую с человеконенавистничеством».

Пусть и со всеми издержками пророка в своем отечестве, Игорь Ростиславович прожил долгую счастливую жизнь. В стране, где мужчины его народа не доживают до 65, а самые общественно активные и до сорока, он прожил долгих 93 года. В это без малого столетие уместились, на самом деле, не одна, а несколько жизней.

Первая – жизнь одного из ведущих не только в России, но и в мире математиков. В 17 лет окончил вуз, в 19 – кандидат, в 23 года – доктор наук, в 35 лет – член-корреспондент Академии (АН) наук СССР; множество решенных сложнейших задач, выстроенных математических систем, признаний, званий и премий. И только звания академика пришлось дожидаться неожиданно долго – до 68 лет.

Но тому причиной была вторая жизнь Шафаревича – жизнь диссидента. С 1955 года И. Шафаревич подписывает письма, участвует в «самиздате», поддерживает А. Солженицына в самые трудные минуты. Он один из тех русских телят, которые бодался с советским дубом.

Шафаревич пишет убийственное в своей гуманитарной фундированности и аналитической точности исследование «Социализм как явление мировой истории». Он находит истоки социализма не у Маркса, не у Кампанеллы и Мелье, а в империи инков и древних восточных деспотиях, таких как Третья династия Ура в Шумере, построенная на строжайшем учете и контроле трудовых ресурсов и государственном распределении продуктов.

В конечном счете, умозаключает Шафаревич, все основные идеи социализма сводятся к фундаментальной воле к смерти, периодически овладевающей не только отдельными людьми, но и целыми обществами. Социалистическая уравнительность, ненависть к семье, обобществление и тоталитарный контроль – всё это формы нежизни овладевающей жизнью и порабощающей её. Социализм – рационально декорированная воля к нежизни.

Для социализма, на взгляд Шафаревича, характерно стремление уничтожить семью, религию, частную собственность, национальность. То есть все те социальные силы, социальные организмы, которые поддерживают и обогащают личностное существование человека, его индивидуацию. Шафаревич видит в социализме конечный пункт той нигилистической метафизики, которая с древнейших времен рассматривала индивидуальное, особенное как зло, которое должно быть принудительно влито во всеобщее. Социализм – крайняя форма нигилизма, который отождествляет «бытие» и «ничто». Не случайно одним из опорных авторов, через которых Шафаревич рассматривает социализм, является Жан Поль Сартр с его нигилизмом. Философская основа социализма – это метафизическое неприятие отдельности как формы существования мира.

Иногда возражают, что в России именно крах социализма и привел к торжеству нежизни, к пиру либеральных вурдалаков. На что Шафаревич резонно отвечал, что большинство этих вурдалаков были преподавателями марксистско-ленинской политэкономии, комсомольскими работниками и так далее. При этом устремленный к прогрессу через частную инициативу либерализм и устремленный к прогрессу же через тоталитарную сверхорганизацию коммунизм – это лишь «Две дороги к одному обрыву», как назвал мыслитель одну из самых известных своих работ. И тот и другой вид прогрессизма сущностно едины, противопоставляя себя жизни, свободе, вере, органическому началу в человеке и обществе.

Свою философию истории и жизни Шафаревич изложил в своих лекциях «Духовные основы российского кризиса XX века», предсказав, что падение советского коммунизма предвещает падение и его близнеца – западного либерализма. Похоже, мы подходим к той точке, когда это пророчество начинает сбываться, причем либерализм трансформируется

перед концом в коммунизм самого левацкого и жизнененавистнического толка.

Удивительный парадокс И. Шафаревича – будучи математиком, представителем одной из наиболее абстрактных и идеалистичных форм человеческой мысли, он, на деле, был, пожалуй, самым крупным представителем философии жизни в XX веке: антиманихейское начало, гнушение «гнушением плотью» проведено у него очень последовательно. Он – защитник всего органичного, природного, того, что рождается, развивается и умирает, а не того, что висит на жизни сковывающими путами. Такими путами он всегда считал коммунизм.

Именно это привело к его третьей жизни. Солженицын сразу отметил в Шафаревиче какое-то глыбное национальное начало.

«Две тысячи у нас в России людей с мировой знаменитостью, и у многих она была куда шумней, чем у Шафаревича (математики витают на Земле в бледном малочислии), но граждански – все нули по своей трусости, и от этого нуля всего с десяток взял да поднялся, взял – да вырос в дерево, и средь них Шафаревич. Этот бесшумный рост гражданского в нём ствола мне досталось… наблюдать… Вход в гражданственность для человека не гуманитарного образования – это не только рост мужества, это и поворот всего сознания, всего внимания, вторая специальность в зрелых летах… (притом свою основную специальность упуская, как иные, или не упуская, как двудюжий Шафаревич, оставшийся по сегодня живым действующим математиком мирового класса)… А ещё Шафаревичу прирождена самая жильная, плотяная, нутряная связь с русской землей и русской историей. Среди нынешних советских интеллигентов я почти не встречал равных ему по своей готовности лучше умереть на родине и за неё, чем спастись на Западе… Глыбность, основательность этого человека не только в фигуре, но и во всём жизненном образе, заметны были сразу, располагали…»

Как русский диссидент Шафаревич хотел бороться с системой во имя интересов своего народа, своей нации, а не каких-то чужих. И на этом пути он открывает для себя, что подавляющее большинство диссидентского движения борется с советским не ради русского. Мало того, эта диссидентская тусовка, по сути, навешивает на русский народ, главную жертву коммунистического эксперимента, все грехи коммунизма, чтобы заодно с коммунизмом грохнуть и «Россию-суку».

Александр Зиновьев, сам ставший из диссидента неокоммунистом, лукавил, когда говорил, что «целили в коммунизм, а попали в Россию». Кто куда целил, тот туда и попал. Из осознания этого факта и рождается «Русофобия» – трактат-предупреждение. Шафаревич показал в нём с удивительной научной точностью, скорее даже зоологически-вивисекторской, нежели математической, ту идеологию, которая будет править сатанинский бал на наших просторах с начала «перестройки» (и не утихомирилась в полной мере и до сих пор).

«Русофобия» начинается со спора о философии русской истории: «Русофобия – это взгляд, согласно которому русские – это народ рабов, всегда преклонявшихся перед жестокостью и пресмыкающихся перед сильной властью, ненавидевших всё чужое и враждебных культуре, а Россия – вечный рассадник деспотизма и тоталитаризма, опасный для остального мира».

Другими словами, во имя торжества демократии, свободы и общечеловеческих ценностей русских надо извести под корень, поскольку именно природа русского народа является главным препятствием на пути к царству добра, а коммунизм если в чем и виноват, то лишь в том, что имел неосторожность упасть на русскую рабскую почву, где немедленно стал уродством.

Шафаревич с какой-то вивисекторской, повторюсь, точностью, собрал и квалифицировал наиболее выдающиеся

высказывания и фигуры этого русофобского дискурса прямо по методу «О частях животных», так что с тех пор ни Шендеровичу, ни Новодворской, ни Латыниной, ни их эпигонам абсолютно ничего нового прибавить не удалось.

Любой (повторюсь – любой) русофобский текст в современной российской журналистике составлен из штампов, уже зафиксированных в работе Шафаревича, который сделал обширные и показательные выписки из классиков и современников русофобского дискурса: «Россией привнесено в мир больше зла, чем какой-нибудь другой страной»; «Византийские и татарские недоделки»; «Смрад мессианского “избранничества”, многовековая гордыня “русской идеи”»; «Страна, которая в течение веков пучится и расползается как кислое тесто»; «То, что русским в этой стране сквернее всех – это логично и справедливо»…

И как резюме всего: единственный доступный для русских путь к счастью и свободе – оккупация, не чья-нибудь, а американская, «мозговой трест генерала Макартура», – как выражается цитируемый Шафаревичем Александр Янов.

Возможно, другой автор остановился бы на констатации русофобского феномена, привел бы несколько возражений по существу, да процитировал бы лакея Смердякова, мол «весьма умная нация победила бы весьма глупую-с», – когда всё это было ещё сказано, смердяковщина, ничего нового…

Но Шафаревич был человеком с глубоко научным складом ума. Увидев симптом, манифест проблемы, его мозг начинал работать, пока не достигал определенного теоретического понимания. А мозг этот был весьма богатым и изощренным. Он владел английским, французским и немецким, был всегда в курсе новейшей литературы и интересовался передовыми, но не «модными» в дурном смысле слова новейшими западными теориями. Круг его интересов – Арнольд Тойнби, Конрад Лоренц, Карл Ясперс и Карл Виттфогель. Математик Шафаревич имел первоклассную подготовку гуманитария.

Игорь Ростиславович был частью разрушенной на его глазах русской интеллектуальной вселенной. Житомир, где он родился в семье, восходящей к сербскому дьякону (его юго-западо-славянская фамилия родственна фамилии крупного чешского слависта П. Шафарика), южнорусский город, на Волыни, ставший сейчас символом глубочайшего украинского провинциализма (ассоциирующегося разве что с чертой оседлости), когда-то был интеллектуальной столицей юго-западной Руси. Здесь вырос тончайший из знатоков античной истории, никем ни до, ни после не превзойденный – Михаил Иванович Ростовцев, здесь же родился человек, построивший русским лестницу в Небо – Сергей Павлович Королев.

Гражданская война, погромы, украинизация и вот уже русским там делать было нечего. И они перебрались в столицу, где столкнулись на одних площадях коммуналок с нерусскими из того же Житомира, клерками Наркомзема, Наркомтяжпрома и Наркомвнудела, «упромысливавшими» русских мужиков коллективизацией (зрелище подконвойных раскулаченных подвигло маленького Игоря задавать вопросы о том, что происходит вокруг него).

Как человек, чей гуманитарный уровень соответствовал уровню М. Ростовцева и А. Тойнби, Шафаревич начал искать наблюдаемому им феномену русофобии серьёзные научные объяснения. И нашел их в социологической модели Огюстена Кошена (1876–1916) – французского историка, ещё молодым павшего на полях Первой мировой войны и оставившего небольшое по объёму, но очень яркое интеллектуальное наследие, касающееся интерпретации происхождения и развития Французской революции.

Как аристократ-монархист Огюстен Кошен продолжал традицию Ипполита Тэна, трактовавшего революцию как заговор и разгул жестокости и злодейства, которые подорвали органическое развитие Франции. Однако там, где Тэн мастерским пером литератора живописал зверства, Кошен, с дотошностью инженера, проделал скучную работу: он выявил,

какими именно путями сформировавшаяся в литературных салонах «нация философов» захватила власть во Франции, проведя сотни «стряпчих» в палату Третьего Сословия Генеральных Штатов, – а ведь именно эти люди довели Францию до Большого террора.

Среди историко-политтехнологических штудий Кошена есть и произведение более легкомысленное – «Философы», в котором в весьма издевательской манере описана та самая банда просветителей-энциклопедистов, которая захватила салонное и литературное господство над Францией и тем самым предопределила неизбежность политического захвата её революционерами. Кошен вспоминает здесь знаменитую комедию Аристофана «Птицы», в которой по совету грека-авантюриста птицы строят город между небом и землей и перекрывают доступ олимпийским богам к жертвоприношениям, после чего боги начинают пухнуть с голода и вынуждены идти на поклон к птицам.

Вот этой конструкции, малому городу, «городку», «местечку», и уподобляет Кошен «республику философов». Она перекрыла каналы коммуникаций между властью и народом, навязала себя обществу как посредника и фактически монополизировала социальный контроль. Слов «малый народ» в этом своём произведении Кошен не употребляет, говоря о «малом граде», «городке». А о «малом народе» говорит в другой работе, посвященной защите памяти И. Тэна, утверждая, что негоже приписывать всему французскому народу преступления «малого народа» революционеров, бесчинствовавшего в столице и бывшего меньшинством в провинциях.

Я специально так длинно останавливаюсь на генеалогии теории Шафаревича, чтобы показать простую вещь. Лгут те, кто утверждает, что это антисемитская теория, которая приписывает «малому народу евреев» бесчинства против большого народа – русских. Кошен и Шафаревич не вкладывают в это понятие этнического смысла, который во Франции

и не имел места. Лгут и те, кто бросился обличать Шафаревича в плагиате – из теоретического материала Кошена, никак не систематизированного, он построил стройную концепцию «малого народа» как меньшинства, навязывающего себя большинству в качестве элиты и социального посредника.

Шафаревич сумел показать «малый народ» как всеобщее историческое явление – тут и кальвинистские секты, стоявшие за Английской революцией, и секта философов, стоявшая за Французской, и «левые гегельянцы» в Германии с их беспощадной германофобией и франкофилией, и русские нигилисты, среди которых никаких евреев не было. Шафаревич приводит пикантный факт: когда в 1881 году темные обыватели на основании еврейского происхождения одной из цареубийц – Гесси Гельфман – устроили еврейские погромы, ЦК «Народной Воли» в прокламации одобрил их как выступление трудящихся против эксплуататоров.

Сущность этого «малого народа» в восприятии себя как избранных, как гигантов, в ногах у которых должны валяться ничтожные простые смертные. Они воспринимали себя как орден, призванный владеть и править. В XX веке эту миссию «малого народа» взяла на себя «российская», «советская» (меньше всего к ней применимо слово – «русская») интеллигенция.

Весь «антисемитизм» Шафаревича, которым его позднее десятилетиями третировала либеральная критика, состоял в том, что он констатировал – социальная механика «малого народа» в XX веке приводилась в действие, прежде всего, этнической энергией еврейского национализма. В первой половине XX века евреи ради разрушения черты оседлости и создания своего мира шли в революцию, во второй половине столетия, ради своего воссоединения с Израилем – ринулись в диссидентщину. Но и в том, и в другом случае еврейский национальный порыв обретал формы характерной для «малого народа» ожесточенной ненависти к большому.

Подборка цитат, сделанная И. Шафаревичем из И. Бабеля, Э. Багрицкого, многих других светочей местечково-революционной культуры, стала классической и кочует из книги в книгу. Пример Шафаревича подвиг Александра Солженицына на его фундаментальный труд «Двести лет вместе» (2001 г.).

Понятно, что Шафаревичу достались мегаваттные разряды ненависти, вплоть до того, что американская Национальная Академия наук в 1992 году потребовала от него добровольно самоотчислиться, чтобы не марать её своим антисемитизмом (к чести нашей РАН так «прогнуть» её на предмет Шафаревича не посмели ни коммунисты, ни либералы).

Хотя, если вдуматься, концепция Шафаревича не возводит на еврейский народ обвинение в русофобии, а снимает его. Да, Шафаревич приводит ярчайшие примеры иудейской ксенофобии с ветхозаветных и талмудических времен. Да, он приводит ярчайшие примеры еврейской революционной и интеллигентской русофобии в XX веке. Но из его концепции следует, что до начала XX века никакой генетической ненависти к русским в еврейской среде не было.

В концепции Шафаревича энергия освобожденного из гетто еврейства столкнулась с социальными формами революционного «малого народа» и заполнила в нём практически все свободные места. Яков Алтаузен не потому предлагал в своих стихах Минина расплавить, что евреи испокон веков ненавидят русских, а потому, что ненавидящая русских социальная форма была заполнена такими Алтаузенами. Но не только, конечно – там же имелись красный недоскоморох Ефим Придворов, «Демьян Бедный», или историк-марксист Михаил Покровский, оба чистейшие русаки, вклад которых в формирование советского русофобского дискурса был огромен.

«Очевидно, еврейские национальные чувства являются одной из основных сил, движущих сейчас “Малый Народ”. Так, может быть, мы имеем дело с чисто национальным

течением? Кажется, что это не так – дело обстоит сложнее. Психология "Малого Народа", когда кристально ясная концепция снимает с человека бремя выбора, личной ответственности перед "Большим Народом" и дает сладкое чувство принадлежности к элите, такая психология не связана непосредственно ни с какой социальной или национальной группой. Однако "Малый Народ" "воплощается": использует определенную группу или слой, в данный момент имеющий тенденцию к духовной самоизоляции, противопоставлению себя "Большому Народу". Это может быть религиозная группа (в Англии – пуритане), социальная (во Франции – III сословие), национальная (определенное течение еврейского национализма – у нас). Но, как во Франции в революции играли видную роль священники и дворяне, так и у нас можно встретить многих русских или украинцев среди ведущих публицистов "Малого Народа". В подобной открытости и состоит сила этой психологии: иначе всё движение замыкалось бы в узком кругу и не могло бы оказать такого влияния на весь народ», – рассуждал Шафаревич. В его интерпретации «малый народ» во многом сходен с тем, что его друг и единомышленник Лев Николаевич Гумилёв назвал термином «антисистема».

Разница между еврейской и нееврейской частями «малого народа» была в одном – когда советская власть, перестав в нём нуждаться, начала его разборку и утилизацию, с русской частью «малого народа» удалось покончить сравнительно легко, так как её конструкция была чисто социальной (так же легко покончили во Франции с якобинцами).

А вот с еврейской частью вышло иначе – имея самостоятельный источник энергии, самостоятельные системы связей, по динамике и интенсивности далеко превосходящие и энергию ослабленного русского народа и энергию социально виртуальной советской власти, «малый народ» выжил, обрел новые ориентиры и цели – самосохранение внутри советской системы, выезд из СССР, либерализация СССР

по образцу стран, где диаспорам живется хорошо. Произошло окончательное самоотождествление этнической и социальной составляющей, выразившееся в приводимой Шафаревичем чеканной формуле Надежды Мандельштам: «Всякий настоящий интеллигент всегда немного еврей».

В этот момент и «застукал» малый народ автор «Русофобии» со своей безжалостной вивисекцией. Поплатился за это сполна. «Настоящие проблемы начались, когда я написал “Русофобию”, – признавался Игорь Ростиславович. – В 1982-м был арестован Л.И. Бородин… когда следствие уже завершалось, то ему сказали: “Ваша судьба решена. Хотите сказать, кто будет следующим? Шафаревич”. Он рассказал об этом адвокату, тот жене, жена – мне».

Нельзя сказать, что Шафаревич сам не провоцировал агрессию малого народа – наряду с суховатыми теоретическими выкладками и выписками в «Русофобии» немало убийственных публицистических пассажей, задевающих за живое. Он умел пройтись и по личностям. Например, в примечаниях он дает убийственные характеристики двум кумирам интеллигентствующей диссиденции – Василию Гроссману и Александру Галичу – с их регулярными русофобскими эскападами, вроде насмешек Галича в адрес высмеиваемого передовика производства (русского): «Галичу (Гинзбургу) куда лучше должен был бы быть знаком тип пробивного, умеющего втереться в моду драматурга и сценариста (совсем не обязательно такого уж коренного русака), получившего премию за сценарий фильма о чекистах и приобретающего славу песенками с диссидентским душком. Но почему-то этот образ его не привлекает». Понятно, что такого литераторы и «тусовка» не прощают.

Но не на того напали. Шафаревич не боялся никого не только ментально, но даже в самом обычном человеческом смысле, когда стреляют. О чём оставил удивительную зарисовку, относящуюся к поездке русских патриотов в Приднестровье, Александр Проханов: «Поразил Игорь

Шафаревич. Интеллигент, ученый с мировым именем, уже не молодой человек, он шел по простреливаемому мосту, не сгибаясь и не кланяясь пулям. Он чувствовал, что обязан и таким образом защищать Россию, русский народ. Он был в этот момент воедино с казаками, сражающимися в Бендерах, с приднестровским ополчением… И мы любовались им».

И этого человека хотели напугать гэбухой и «ху́цпой». Полемика между анти-антисемитами и анти-анти-антисемитами, возможно, однажды закончится, сменившись какой-то другой. А вот сама политическая философия Шафаревича – «третий путь», уводящий от «двух дорог к одному обрыву» (коммунистической и либеральной), т. е. почвенничество, традиционализм, критика западного пути к демократии, подчеркивание необходимости органичных политических, экономических, нравственных форм, характерных именно для русской цивилизации – останется.

Для Шафаревича всегда и во всём на первом месте стоял русский народ. Для него это была та естественная органическая общность, та система солидарности, сохранение которых гарантировали продолжение человеческой жизни и в индивидуальном, и в родовом качестве.

Все свои работы Шафаревич писал, прежде всего, в интересах русской нации, заботясь о том, чтобы в сложном многонациональном концерте, раздирающем СССР и Россию, интересы русских не пострадали. Если он в полной мере и не преуспел, то, по крайней мере, создал точку сборки, создал тот антирусофобский дискурс, ту систему идейной поддержки русских национальных интересов, без которых нам в эти страшные годы было бы гораздо тяжелей.

Немаловажно и ещё одно существенное отличие Шафаревича, уже от значительной части окружавшего его патриотического сообщества – неоопричников, неосталинистов, неоимперцев. Побудительным мотивом написания «Русофобии» было решительное *отрицание мнения, что сталинский тоталитаризм является естественным продуктом русской*

истории, а не революционным насилием над нею, что Сталин – это продолжение Ивана Грозного, Петра и вечной русской тяги к хозяйскому кнуту, что для русской души свобода невозможна.

Шафаревич категорически отрицал этот русофобский дискурс. Он, не без недоумения, относился к ситуации, когда его во многом единомышленники, фактически, приняли основные тезисы русофобской историософии, только с обратным знаком, заявив, что да – русскому человеку свобода не нужна, великий Хозяин – наш вечный исторический архетип, от Грозного до Сталина, а неоопричнина – наш политический идеал.

Перу И.Р. Шафаревича принадлежит работа «Русские в эпоху коммунизма» – своего рода оппонирование построениям Вадима Кожинова, создателя мифа о постепенной русификации сталинизма и «благодетельном» 1937 годе. С фактами в руках, Шафаревич показывает, что и при Ленине, и при Сталине, и в дальнейшем коммунизм был заточен против русской национальной жизни, в частности – против крестьянства, как наиболее конкретной формы этой жизни.

Шафаревич последовательно развенчивает все ключевые фигуры национал-коммунистического дискурса.

«Финансирование германским генеральным штабом большевистской партии в период между Февральской и Октябрьской революциями подтверждено столькими свидетельствами, как редко какой исторический факт. Тут и опубликованные в 1950-е гг. документы германского генерального штаба, и свидетельства современников. Однако всё это было лишь продолжением старой традиции. Так, в 1904 году на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме Плеханов заявил, что он считал бы победу царизма в войне с Японией поражением русского народа…»

«Приписывать большевикам эпохи Октябрьской революции стремление к “собиранию России” значит ошибочно переносить на них чувства, испытываемые многими сейчас.

Им-то русская историческая традиция была чужда и враждебна, виделась, по словам Ленина, как “великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями и капиталистами”. Цель большевистского руководства была – мировая пролетарская революция. Как писал Ленин, “мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию”».

«В результате Октябрьской революции вместо мира народ получил ещё три года Гражданской войны. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод, унесли, по подсчётам разных историков, 13–17 миллионов человек. То есть по масштабу катастрофа далеко превосходила даже “перестройку” (если не гадать о будущем)… И эта Гражданская война была заранее запланирована (как писал Ленин), специально разжигалась в деревне (как говорил Свердлов), её всеми силами стремились превратить в мировую (как об этом писали Бухарин и Тухачевский)».

Большой историографической заслугой Шафаревича является показ им феномена *«Великой крестьянской войны»* русского народа против большевиков. Она началась в 1918-м, когда к концу года восстаниями было охвачено более половины территории, контролировавшейся большевистской властью, продолжилась казачьим сопротивлением большевистскому геноциду в 1919-м и достигла высшего накала в 1921 году в ходе Тамбовского и Западно-Сибирского восстаний и мятежа в Кронштадте, когда массовые выступления вынудили Ленина перейти к политике НЭПа, временному компромиссу с крестьянством. Здесь могла быть реализована представленная фигурами профессоров А. Чаянова и Н. Кондратьева альтернатива (примирение крестьянства и советской власти), но она не была осуществлена в силу доктринальной крестьянофобии большевиков.

Речь шла о несовместимости двух социальных космосов. «Произошло столкновение двух несовместимых жизненных установок. С одной стороны – марксистской,

социалистически-коммунистической, видящей идеал в обществе, построенном как грандиозная машина из человеческих элементов. Бухарин описал его как “трудовую координацию людей (рассматриваемых как “живые машины”) в пространстве и времени”. Ленин планировал труд рабочего: “отбытие 8-часового ‘урока’ производительной работы” при условии “беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса”. А с другой стороны, этому противостояло восприятие жизни крестьянина, выросшее из глубокой древности, основанное на индивидуально-творческом труде в единстве с Космосом. Ненависть к крестьянству заложена в марксизме, начиная с самых его истоков».

Шафаревич подчеркивает, что никакого доктринального расхождения между Троцким, Зиновьевым, Сталиным и Бухариным в ходе их ожесточенной борьбы за власть в партии не существовало. Их общей установкой были русофобия, крестьянофобия и индустриализм не как средство подъёма производительных сил России, а как способ механизации человека.

«У партии как целого и была-то только одна программа, лишь переходившая из одних рук в другие. Если Троцкого обвиняли в том, что он хочет устроить “революцию в партии”, то Сталин позже сам назвал коллективизацию “революцией сверху” (причём не только в партии, а во всей стране). Если перед XIV съездом Зиновьев опирался на тезис Ленина, что “нэп введен всерьёз и надолго, но, конечно, не навсегда”, то на XVI съезде эту цитату взял на вооружение уже Сталин. На XIV съезде Сталин, предупреждая, что переоценка кулацкой опасности может привести к “гражданской войне в нашей стране”, в то же время признавал: “Я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что больше всего партия подготовлена к лозунгу: ‘Бей кулака!’ Дай только – и мигом разденут кулака”. Сформулировав эту мысль, Сталин, несомненно, сделал для себя из нее вывод. Это была всё та же программа времен “военного коммунизма” и крестьянской войны…

Крестьянство представлялось опасностью не только потому, что "рождало капитализм". Оно по своему духу являлось антитезой социалистической идеи…» Сталинская индустриализация, которую одинаково хотели и он, и Троцкий, и Бухарин, отличалась от органичной индустриализации начала XX века тем, что её целью был слом русской антропологии, создание человека-машины, как носителя идеи социалистического нигилизма.

Шафаревич категорически осудил псевдопатриотический, а на деле – неокоммунистический мифологизированный культ репрессий 1937 года.

«В ряде произведений постепенно вырабатывалась более взвешенная и справедливая точка зрения на нашу историю: что жертвы среди "руководящих работников партии и правительства" – это было далеко не самое страшное. Было рассказано о несравненно больших жертвах в эпоху Гражданской войны и коллективизации. Хотя бы в романе М.Н. Алексеева "Драчуны", где описан голод 30-х годов, и в статье М.П. Лобанова "Освобождение", донесшей эту тему до широкого круга читателей, в "Архипелаге ГУЛАГ" А.И. Солженицына, в романах В.И. Белова "Кануны" » и "Год великого перелома", в статьях В.А. Солоухина и В.В. Кожинова в "Нашем современнике" и т.д.

В последнее время стрелка как будто повернулась на 360 градусов и вернулась в прежнее положение. Опять стал популярен тот взгляд, что 37-й год в основном сводился к уничтожению "старых революционеров" – лишь с противоположной оценкой: "Так им и надо!" Это как бы было наказание им за то, что они творили во время революции. Или суровое напоминание нынешним врагам России. Я видел даже в одной газете статью "Да здравствует 1937 год!" (хотя заглавие, может быть, иронично?). Но в хрущёвские времена и позже, когда главной трагедией сталинской эпохи провозглашали "избиение руководящих партийных кадров" как раз эти самые "кадры" или их потомки (физические или духовные),

в то время это было хоть как-то понятно (хотя безжалостно, эгоистично). А сейчас авторы прямо противоположных – почвеннических, русских – взглядов предлагают считать расстрел Ягоды или Зиновьева событием, своим значением заслоняющим расстрел десятков тысяч “кулаков и уголовников” (то есть крестьян), вернувшихся из сибирской ссылки, расстрел десятков тысяч священников, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского, Клюева. Вот это представляется мне парадоксальным».

Мысль Шафаревича этому восторгу перед злом противоположна. Для него русская история была нормальным органическим историческим развитием, насильственно прерванным экспериментом по внедрению инфернальной социалистической воли к смерти. И личной задачей академика Игоря Шафаревича было вернуть Россию на пути жизни.

Путь жизни, в тех конкретных исторических условиях, в которых мыслил и действовал Шафаревич – это значило путь Нации. Он выпукло подчеркивал, что никакой альтернативы здоровому национализму как пути выхода из тупика, в который завел русских двуединый молох нежизни – марксизм и либерализм, попросту нет. Он участвовал в русских националистических партиях и общественных объединениях, вошел в редакционный совет издававшегося К. А. Крыловым журнала «Вопросы национализма».

Его собственная теория нации была теорией органической холистической целостности, носящей, как и все в богосотворенной жизни, поистине чудесный характер.

«Практически во все известные нам времена люди живут, объединяясь в группы, большие, чем семья, и меньшие, чем все человечество. В известной нам письменной истории действующими лицами являются нации, формирующие государства. В более древний период и в современных догосударственных обществах такую же роль играет племя. Оба понятия объединяются в одно – этнос. По какому принципу

происходит объединение в этнос? Громадную роль играет родственность, единство происхождения, как в семье.

Роль этносов, видимо, связана с тем, что, объединяясь в эти группы, люди приобретают возможность находить ответ на вопросы жизни, абсолютно непосильные индивидуальному человеческому уму. При этом то, как находится ответ, остается совершенно непонятным индивидуальному уму: ответ объясняют тем, что "так повелось исстари", или что так указал мифический предок, или что делать иначе – грех, табу. Это совершенно другой путь контакта человечества с окружающей средой, чем индивидуальное рациональное мышление…

Несомненно, существует много… примеров такого решения задачи "групповым разумом" племени или нации (хотя бы открытие земледелия и приручение животных). Конечно, совершенно непонятно, как этот "групповой разум" находит решение, недоступное индивидуальному человеческому разуму. Но ведь точно так же непонятно, как десять миллиардов клеток человеческого головного мозга вместе сочиняют стихи или доказывают теоремы…

Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от "малых радостей" или, наоборот, совсем безрадостных трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь резко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории».

Национальное является для Шафаревича тем началом, через которое индивидуальное становится больше, чем индивидуальным, не стираясь и поглощаясь, как в нигилистической механике социализма, а прорастая в других и составляя мощный соборный ум. Выдающимся участником этого национального соборного ума был Игорь Ростиславович Шафаревич, которому по праву принадлежит место среди наиболее выдающихся русских национальных мыслителей.

Что читать об Игоре Шафаревиче:

1) *Игорь Шафаревич.* «Я всю жизнь, сколько себя помню, думал о судьбе русского народа». Интервью Константину Крылову // Вопросы национализма. – 2010. – № 1; URL: https://www.apn.ru/index.php?newsid=36018;

2) *Крылов, Константин.* Филалет. Памяти Игоря Шафаревича // URL: https://www.apn.ru/index.php?newsid=36017;

3) *Минаков, А.Ю.* Двудюжий Шафаревич // Тетради по консерватизму. – 2019. – № 1; URL: https://politconservatism.ru/articles/dvudyuzhij-shafarevich;

4) *Шафаревич, И.Р.* Полное собрание сочинений. В 6 т. – М.: Институт русской цивилизации, 2014;

5) *Шафаревич, И.Р.* Записки русского экстремиста. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2004;

6) *Шафаревич, И.Р.* Русский народ на переломе тысячелетий. Бег наперегонки со смертью. – М.: Русская идея, 2000.